

УДК 130.2

DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-106-114

Феномен тайных обществ: типология, особенности и исторические роли

Сулимов С.И., Арапов А.В.

Воронежский государственный университет
Россия, 394000, Воронеж, пр-т Революции, 24
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Аннотация. Исследователи каждой эпохи приводят в качестве подтверждения существования и активности тайных обществ всё новые исторические факты, между тем нет единого мнения, какие общества или организации считать тайными, поэтому невозможно определенно говорить о роли этого социального феномена в истории. В данной работе мы предпримем попытку устранить эту путаницу, предлагая из всех организаций, по каким-либо причинам старающихся не привлекать к себе внимания, выделить такой вид общностей, как эзотерические. Для них характерны скрывающаяся от непосвященных доктрина и иерархическое устройство, при котором информация строго дозируется от одной ступени посвящения к другой. Такие эзотерические общества делятся на эскапистские (относятся к наличной социальной реальности недоброжелательно, но пассивно, предпочитая жить за счёт непосвященных) и хилиастические (претендуют на мировое господство и стремятся реформировать жизнь общества согласно своему учению). В заключении авторы предлагают такой способ борьбы с эзотерическим сектантством, как открытая полемика.

Ключевые слова: эзотерические организации, сектантство, иерархия, манихейство, «Белый Лотос», низариты, альбигойцы.

Для цитирования: Сулимов С.И., Арапов А.В. 2021. Феномен тайных обществ: типология, особенности и исторические роли. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (1): 106–114. DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-106-114

The phenomenon of secret societies: typology, features and historical roles

Stanislav I. Sulimov, Alexander V. Arapov

Voronezh state university
24 Revolutsii avenue, Voronezh, 394000, Russian Federation
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Abstract. Researchers of each epoch cite new historical facts as confirmation of the existence and activity of secret societies, but there is no consensus on which societies or organizations are considered secret, so it is impossible to speak definitely about the role of this social phenomenon in history. In this paper, we will attempt to eliminate this confusion by suggesting that from all organizations that for some reason try not to attract attention to themselves, we should single out such a type of community as esoteric. They are characterized by a doctrine hidden from the uninitiated and a hierarchical structure in which information is strictly dosed from one stage of initiation to another. Such esoteric societies are divided into escapist (they treat the existing social reality unkindly, but passively, preferring to live at the expense of the uninitiated) and chiliastic (they claim world domination and seek to reform the life of society in accordance with their teachings). As examples of an escapist secret society, the authors consider the Manichaean sectarian community and its derivative movements, and an example of a chiliastic organization is the White Lotus confederation of sects that operated in Imperial China during the Middle Ages and Modern Times. In conclusion, the authors propose such a way to combat esoteric sectarianism as open polemics.

Key words: esoteric organizations, sectarianism, hierarchy, manicheanism, "White Lotus", Nizarites, Cathars.

For citation: Sulimov S.I., Arapov A.V. 2021. The phenomenon of secret societies: typology, features and historical roles. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 106–114 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-106-114

Введение

Публицисты последних двух веков, а прежде их предшественники из числа церковных писателей нередко высказывают гипотезы об участии во многих значимых политических и социально-духовных катаклизмах неких тайных обществ, существующих параллельно с известными субъектами исторического процесса и негласно вмешивающихся в деятельность последних. Это предположение повторяется многими авторами на протяжении столетий, и оно давно должно было утратить как оригинальность, так и актуальность, однако этого не происходит. Более того, исследователи каждой эпохи приводят в качестве подтверждения существования и активности тайных обществ всё новые исторические факты, то есть происходящие в каждой эпохе события свидетельствуют о продолжающейся активности указанных организаций. Между тем нет единого мнения, какие общества или организации считать тайными и как именно их деятельность влияет на исторический процесс. К примеру, являются ли тайными обществами масонские ложи, о существовании которых известно всему миру, или современные африканские фольклорные коллективы, именующие себя «тайными обществами», но при этом пользующиеся широкой известностью среди земляков и даже в прессе? В первые века н.э. христианская Церковь проводила свои собрания и богослужения без огласки и подальше от посторонних глаз, что давало повод римским властям называть христиан тайным обществом. Таким образом, в понимании того, что такое «тайное общество», нет ясности, и поэтому невозможно определенно говорить о роли этого социального феномена в истории. В данной работе мы предпримем попытку устранить эту путаницу.

Что такое «тайное общество»

Само словосочетание «тайное общество» подразумевает, что доктрина, структура и состав (а может быть, и название) данной общности неизвестны окружающим. Но ведь речь идёт не о «неизвестном» или «таинственном» обществе, примерами которого могут служить иные, незнакомые народы и племена. Тайное общество предполагает некий секрет, который его члены стараются сохранить от непосвященных, или, по крайней мере, не афишируют его для общественности. Таких обществ в мире существует немало, причём, некоторые из них никак не скрывают своего существования и лишь делают акцент на том, что их доктрина не подлежит огласке. Примерами таких организаций являются масонские ложи и многочисленные общины адептов нетрадиционных религий (которых в народе нередко называют «сектантами»). И, наоборот, некоторые общины в какой-то отдельный временной период скрывали своё существование, а в наши дни активно проповедуют свои учения и охотно принимают в свои ряды всех желающих (Церковь).

Что же заставляет ту или иную социально-духовную общность скрываться и тем самым приобретать репутацию тайной организации? Вероятно, нередко выбор позиции зависит не от характера доктрины или личного выбора адептов, а от отношения к ним окружающего, непосвященного общества. К примеру, почти три века христианство было гонимой религией, и многие клирики вместе со своей паствой старались лишней раз не распространяться о своём вероисповедании. В более поздние времена, когда Церковь обрела в имперском обществе официальный статус, многие подвижники предпочитали

вести отшельнический образ жизни, не прерывая контактов с внешним миром полностью, но стараясь по возможности их минимизировать (пустынничество, исихазм). Однако, как удачно отметил британский исследователь А. Дж. Тойнби, Церковь всегда направляла свою деятельность на сотворённый мир, хотя центральная категория её доктрины – Бог-Творец: «Уходя от своих ближних, святые вступали в активные отношения со значительно большим кругом лиц, чем если бы они оставались в миру. В конечном итоге они производили на мир более сильное воздействие, чем император или командующий войсками, ибо их устремленность к святости через поиски единения с Богом представляла собой социальное действие, более притягательное для людей, чем любое секулярное социальное служение» [Тойнби, 2010, с. 528]. В качестве примера социальной активности ушедших от мира монахов можно привести визит прп. Даниила Столпника к византийскому императору Василиску, приведший к отказу монарха от монофизитства и изменению имперской политики; социальное служение святого игумена Феодосия Печерского, основавшего монастырь за пределами Киева, но зорко наблюдавшего за жизнью горожан и спешившего к ним на помощь при первой же необходимости; подвижничество прп. Сергия Радонежского, ставшего духовным знаменем объединения русских земель вокруг Москвы; и многие другие прецеденты. То есть, как только представилась возможность, христианская Церковь стала действовать открыто, ни от кого не таясь и охотно сотрудничая с мирянами. То же самое можно сказать о соратниках основателя ислама пророка Мухаммеда, которые покинули Мекку, столкнувшись с враждебностью её жителей, но честно и открыто проповедовали в Медине, где встретили тёплый приём. Сдержанная позиция при риске преследования и честное изложение своих взглядов перед заинтересованным слушателем естественны для любых религиозных, философских и политических учений во все времена.

Однако некоторые социально-духовные организации предпочитают ни при каких обстоятельствах не делиться своей доктриной открыто, но не перестают исподволь вмешиваться в социальные и политические процессы. Стороннему наблюдателю может показаться, что их adeptам нравится обособляться от остального общества и искусственно создавать путаницу вокруг своего учения. Они всё время рядом с событиями, касающимися всех граждан их страны, но при этом их позиция не ясна, а участие их adeptов спорно и неопределенно. Эти организации как будто не интересуются миром, но их члены нередко обнаруживаются в самой гуще событий. И их присутствие далеко не всегда благотворно для непосвященных. В качестве примера таких организаций и общин можно привести сектантскую конфедерацию «Белый Лотос» в императорском Китае, исмаилитские секты средневекового арабского Востока, манихейские общины и производные от них движения богомилов, павликиан и катаров в Средиземноморье первого тысячелетия н.э., и многие другие религиозно-политические организации, создавшие себе репутацию таинственных и влиятельных структур.

Эзотерические тайные общества

Все эти тайные общества, не совпадая ни хронологически, ни территориально, имеют ряд общих черт. Отечественный исследователь Л.А. Тихомиров предложил именовать организации такого типа эзотерическими, имея в виду под термином «эзотерика» стремление оградить доктрину от непосвященных, всячески дозировать информацию между своими adeptами и высокомерное отношение к людям, не входящим в организацию. Сравнивая христианство с различными эзотерическими учениями (от гностиков до масонов), этот автор отмечает важнейшее отличие: христианство, признавая Творцом и Промыслителем мира Бога-личность, полагает, что все люди равны перед таким Богом и поэтому должны подчиняться одним нравственным правилам, даже если их телесные и душевные особенности различны. Эзотерические же учения либо отвергают божественный Просмысл (например, масоны) и придают гипертрофированное значение

человеческой активности, либо считают Бога и созданный Им мир враждебными человеку и занимают по отношению к ним позицию, напоминающую вооруженный нейтралитет (например, манихеи).

То есть при всём многообразии своих исторических форм эзотерические тайные общества делятся на два вида: *хилиастические* и *эскапистские*. Например, эскапист-манихеи воспринимают гипотетический конец света и свою собственную смерть как благо, а масон вполне доволен наличным состоянием мира, но при условии, что сможет внести в мир порядок согласно своим предпочтениям. Однако оба типа тайных обществ едины в одном: они отвергают одинаковую для всех людей универсальную нравственность и этику. Ведь Бога-творца, Который создал всех без исключения людей и дал им единый нравственный закон, адепты эзотерических учений либо отрицают, либо не уважают. Л.А. Тихомиров так характеризовал эзотерическую этику: «В этом случае этика исчезает как начало абсолютное, за отсутствием общего источника, из которого она могла бы истекать. Равенство между людьми исчезает, ибо их природные различия уже не уравниваются перед одной бесконечно высокой Силой, одинаково превышающей величайших и малейших людей. Когда нет такого Бога, которому все подчиняются, то вполне логично является господство высшего над низшим, господство того, кто успешнее развил свои силы. Вообще, там, где нет Бога, высшим достоинством является сила. Она, а не этика, является *ultima ratio* всего» [Тихомиров, 2004, с. 447]. Поэтому тайные общества, почти никогда открыто не декларируя такой подход, очень внимательно присматриваются к своим адептам, определяя их способности и черты характера, сильные и слабые стороны, и лишь по этому критерию предлагают им ту или иную степень посвящения.

К примеру, некоторых прозелитов, неисправимо лишённых властного характера или стратегического мышления, лидеры тайных обществ принимают лишь на самую низшую ступень посвящения и используют в качестве разменной монеты. Примером такого отношения к наивным новичкам может случить существование особого разряда адептов в средневековой исмаилитской секте низаритов, популяризированной многочисленными художественными романами и компьютерной игрой "Assassin's creed". Причисленные к этому разряду молодые люди красноречиво именовались «фидаи», то есть «жертвующие собой». По приказу своих старшин они совершали политические убийства, почти всегда заканчивавшиеся поимкой и казнью исполнителей, но даже под пытками не выдавали секретов организации. Фидаев считали едва ли не призраками, настолько неотвратимо и самоотверженно они нападали на политических противников секты. Некоторые из них намеренно бравировали перед публикой, совершая покушения в одежде белого и красного цветов (символическое выражение чистоты и жертвенности). Однако впоследствии выяснилось, что молодые люди были не фанатиками ислама и не убеждёнными сторонниками сектантской доктрины, а лишь жертвами бесчеловечного мошенничества: в процессе вербовки и обучения им при помощи гипноза, алкоголя, наркотиков и актёрских трюков внушалась мысль, что они непременно попадут в рай, если умрут по приказу руководства.

Британский историк Ч.У. Гекертон подробно описывает техническую сторону низаритского аналога «курса молодого бойца»: «В одно персидской провинции, теперь называемой Сигистан, была знаменитая долина Мулеба, в которой находился дворец Ала-Аладина, другое название Владыки Горы. Эта долина была восхитительное место и так защищена горами, кончавшимися отвесными утесами, что с них никто не мог сойти в долину, и все приступы были охраняемы сильными крепостями. В долине обрабатывали роскошные сады, с павильонами великолепно меблированными, и в них жили прехорошенькие и очаровательные женщины. Человека, которого Владыка выбирал для исполнения опасного подвига, сначала поили допьяна и в этом положении относили в долину, где его оставляли бродить куда хочет» [Гекертон, 1995, 119]. После того, как

юноша всерьез начинал верить в то, что оказался в раю, его снова приводили в бессознательное состояние и возвращали в крепость Аламут, штаб-квартиру секты. Молодого человека убеждали, что он испытал клиническую смерть, и что его лишь чудом вернули к жизни. После этого потенциальный исполнитель заказных убийств точно «знал», что ждёт его в загробной жизни, и был готов выполнить любой приказ, лишь бы только поскорее вернуться в «рай». Кандидату в фидаи инструкторы настойчиво разъясняли, что он попал в рай исключительно потому, что был послушен сектантским вожакам, ведь послушание – это важная добродетель. Следовательно, какой бы приказ не отдали старейшины, его следует выполнить беспрекословно, ведь в самом страшном случае юношу ждёт смерть, а вместе с ней – «эмпирически доказанный» рай. При этом адепты высших степеней посвящения полагали, что ни Бога, нирая не существует, и, отправляя обманутых юношей на преступления и смерть, лишь обслуживали свои вполне земные интересы.

Отечественный историк И.П. Петрушевский отмечает, что все убийства, совершенные сектой низаритов, имели исключительно политический и коммерческий характер: «Мотивы убийств всегда были политические; убивали людей разных религиозных убеждений: мусульман-суннитов, ши'итов-имамитов, христиан-крестоносцев (в Сирии), исмаилитов-мусталитов; убивали и своих, если подозревали их в измене. Юноши, посланные для выполнения террористических актов, обычно потом сами погибали. Они, однако, были убеждены, что их "подвиги" во имя веры откроют им вратарая с его садами, дворцами, красавицами-хуриями и всеми чувственными наслаждениями. Фидаи, как непосвященные, не знали, что эзотерическая доктрина их секты рассматривает рай только как аллегория совершенного знания с чисто духовными наслаждениями» [Петрушевский, 2007, с. 316].

Следует признать, что применявшая по отношению к своим младшим адептам такую бесчеловечную дисциплину секта имела длинные руки. Как мы уже отметили, её столицей был Аламут в Персии, а своих врагов сектанты настигали даже в Северной Индии. Например, в 1236 г. агент низаритов по имени Нур-и Турк, выдавший себя за странствующего проповедника, организовал нападение вооруженных фанатиков на мечеть в Дели. Многие прихожане-сунниты были убиты или получили ранения, и только быстрое вмешательство воинов султанши Разии смогло остановить расправу с верующими. Официальные мотивы нападения так и остались неясны, но неведомый адресат кровавого послания наверняка понял всё, что хотел ему передать лидер сектантов [Ашрафян, 1983, с. 134].

Не исключено, что такая жестокая позиция изначально предполагалась лишь как вынужденная и временная мера, но впоследствии сектантские вожаки всегда признают её удобной. Британский философ К.С. Льюис неслучайно писал по этому поводу: «Поначалу глухота основана на каком-то реальном превосходстве, потом она сама порождает чувство превосходства вообще. Круг презирает и знать не хочет "внешних". Он и впрямь становится классом, самозваной аристократией» [Льюис, 2018, с. 346]. А если учесть, что сектанты-эзотерики отрицают равенство людей и общечеловеческое братство, то им и в голову не приходит жалеть или ценить тех, кого они считают слабее или глупее себя. С таким отношением к непосвященным, неофитам и адептам нижних степеней посвящения связана неумная политическая активность тайных обществ: социум, на лоне которого они живут, кажется им лишь материалом для реализации собственных замыслов, а младшие по иерархии адепты – лишь средством для достижения целей организации. Л.А. Тихомиров отмечает: «Религиозно-философские общества, построенные на основах эзотерического учения, весьма часто имеют цели также социально-политические. Как составленные из высших людей, они задаются целями руководить обществом "непосвященных", "профанов", властвовать над ними, устраивать их жизнь по своим понятиям» [Тихомиров, 2004, с. 449].

Эзотерические тайные общества как источник социальных и политических проблем

Разумеется, далеко не всегда такие тайные общества располагают достаточными для захвата политической власти силами и ресурсами, однако редкий политический катаклизм обходится без их участия. Например, сектантская конфедерация «Белый Лотос» играла роль пятой колонны во время всех гражданских войн и восстаний, сотрясавших императорский Китай на протяжении Средних веков и Нового времени. Советский историк Е.Б. Поршнева отмечает, что нелояльность ни к какому наличному политическому режиму была буквально родовой чертой сект «Белого Лотоса», хотя адептам нижних степеней об этом и не рассказывали: «Психологическая установка на открытое выступление, нетерпеливое ожидание его начала объясняет ту поразительную стремительность, с которой тысячи людей, живущих иногда за сотни километров от очага восстания, стекались туда в решающий момент. Начало "дела" было конечным моментом мирного движения, той самой целью, к которой особо готовили себя духовно и физически, которая была логическим развитием и фокусной точкой всей религиозной доктрины сектантства» [Поршнева, 1991, с. 167]. Манихеи под предводительством Маздака Бамдада, не имевшие такой многочисленной и боеспособной паствы, как их китайские «коллеги», негласно узурпировали власть в Сасанидской Персии (начало VI в. н.э.) и приняли активное участие в беспорядках, сопровождавших реформы шаха Кавада. На острове Гаити адепты тайного культа вуду даже смогли сделать своего представителя диктатором республики (режим Франсуа Дювалье, прославившийся на весь мир всевластием пожизненного президента, практиковавшего беспричинный и бесцельный террор). Даже за спиной русских декабристов стояли влиятельные масонские ложи Петербурга («Три добродетели», «Великий Восток»). Поэтому эзотерические тайные общества, даже если напрямую не фрондируют против наличного правительственного режима, всегда являются потенциальным источником социальных и политических проблем.

В современном мире к эзотерическому подполью мы могли бы отнести всевозможные псевдохристианские, псевдоисламские и оккультные организации, исповедующие синкретические «тайные» доктрины и стремящиеся навязать их остальному обществу или оправдывающие с помощью таких учений ведомый ими паразитический образ жизни.

Особенно эффективно тайные общества узурпируют политическую власть, если им удаётся ввести своих адептов в окружение правителей. Фаворит-сектант способен подвигнуть правителя на выгодные для законспирированной секты шаги, при этом явная ответственность будет лежать именно на венценосце. Например, лидер персидских манихеев Маздак Бамдад при помощи различных ухищрений смог занять пост визиря при шахе Каваде I и в дальнейшем направлял самоубийственные для страны реформы и одновременно маскировал свои инициативы авторитетом шаха [Низам ал-Мульк, 1949, с. 192]. И уязвимым сектантский вожак стал только тогда, когда, потеряв осторожность, попытался узаконить свою власть, организовав на жизнь монарха покушение. Похожим образом действовали и альбигойские катары (европейский вариант богомилов), внедрив в окружение графа Раймонда VI Тулузского своих людей [Осокин, 2000, с. 210]. В результате нападки на католицизм, предпринятые сектантами (в частности, убийство папского легата), были приписаны общественным мнением графу, и именно ему и его сыну пришлось многократно каяться перед римским понтификом и созванными папой крестоносцами. Таким образом, высокое общественное положение или нейтральная позиция вовсе не защищают человека от манипуляций тайных обществ, если сектантское руководство негласно запишет благожелательного политического покровителя в разряд «профанов». Да и на благодарность своих новых друзей доверчивый правитель вряд ли сможет рассчитывать: какая может быть благодарность по отношению к строительному материалу?

Уязвимость эзотерических обществ

Историческая практика свидетельствует о важном уязвимом месте, отличающем эзотерическое общество от малоизвестного, но безобидного культа или партии. Этой ахиллесовой пятой является публичная полемика, принимающая формы как открытых дебатов в прессе, так и религиозного диспута (смотря к какой сфере относится рассматриваемое учение). Ведь если какая-то организация была вынуждена уйти в тень лишь под давлением обстоятельств, то её адепты будут только рады возможности рассказать о себе и своих убеждениях, как некогда были рады открыто проповедовать отцы Церкви. Но если речь идёт об эзотерическом тайном обществе, то его адептам будет просто нечего сказать заинтересованному слушателю. Ведь внутри эзотерической организации нет и не может быть единой, известной всем адептам доктрины, и, разъясняя ту или иную часть учения младшим «посвященным», представитель более высокой ступени нередко ссылается лишь на авторитет руководства и именно такой ссылкой отвергает все вопросы о противоречиях или нелогичности сектантской доктрины. В частности, собиравшийся вступить в манихейскую общину Блаженный Августин недоумевал: «Мне приказано было верить тому, что совершенно не совпадало с доказательствами, проверенными вычислением и моими собственными глазами, и было тому совершенно противоположно» [Августин, 2005, с. 127]. Но с нейтральной, не испытывающей перед сектантами пиетета аудиторией такой приём не сработает. Представителю эзотерической организации придётся отвечать на вопросы слушателей, которых он привык считать непосвященными и к которым по умолчанию относится свысока. Поэтому духовная несостоятельность эзотерических организаций сразу станет заметна.

В качестве примеров уязвимости эзотерических обществ перед открытым диспутом приведём позицию, занятую вожаком персидских манихеев Маздаком Бамдадом, и положение, в котором оказались альбигойские лидеры перед католическим епископом, жаждущим знакомства с ними. Согласно книге Низама ал-Мулька, заняв должность визиря, Маздак принялся от имени шаха проводить реформы, одной из которых стала отмена неприкосновенности брака. Несмотря на многочисленные протесты столичных жителей, сектанты-маздакиты открыто и нагло «национализировали» чужих жён, ссылаясь на юридическую законность своих притязаний. Шах Кавад по ряду внутривластных причин даже не попытался остановить своего зарвавшегося фаворита. Наследный принц Хосров и приглашённый им зороастрийский жрец (мобад) обратились к Маздаку с вопросом: «Если царица, как и все прочие женщины, станет всеобщим достоянием, то как же установить отца её детей?». Престолонаследие и сама судьба монархии Сасанидов зависела от ответа на этот простой и жизненный вопрос. Однако визирь-сектант не пожелал ничего объяснять, а попросту приказал страже обезглавить священника, посмеявшегося задавать вопросы. Благодаря заступничеству царевича мобад смог сохранить свою жизнь, но после такого «диспута» закономерно покинул столицу и постарался больше никогда не задавать манихеям неудобных вопросов [Низам ал-Мульк, 1949, с. 197].

Исторические и идейные наследники манихеев, альбигойцы-катары, как мы писали выше, свили себе уютное гнёздышко в Южной Франции, окружив графа Тулузы своими людьми, пользуясь его безграничным доверием и от его же имени изгоняя католический клир из Окситании. Подобно тому, как Маздак все свои реформаторские инициативы маскировал именем шаха Кавада, альбигойские еретики не претендовали на светскую власть открыто, но исподволь побуждали графа Раймонда реализовывать их политические (в частности, антихристианские) пожелания. Однако католическая Церковь быстро поняла, кто играет главную скрипку в оркестре Тулузского графа и его задержавшихся гостей. Заинтересовавшийся пришельцами альбигойский епископ Жоселлин в 1165 г. пригласил их старшин на диспут в город Ломбер. Ереснархи действительно приехали, но на все вопросы о своей вере отвечали лишь насмешками и ничего не значащими репликами. Таким образом, обнародование катарской доктрины не состоялось [Осокин, 2000, с. 139]. Однако

это вовсе не значит, что у сектантов не было целостного учения. В 1167 г., то есть всего лишь через два года после неудачного знакомства с католиками, катары создали собственный Собор в городе Сент-Феликс-де-Караман, на котором присутствовали делегаты от французских, итальянских и болгарских ячеек секты. Если бы ересь не имела единого, стройного учения, то такой Собор попросту не мог бы состояться. Следовательно, ересиархам было, что сказать собственным адептам старших степеней посвящения, но эту теоретическую систему ни в коем случае нельзя было обнародовать перед непосвященными, неофитами и младшими адептами. Мы никогда не узнаем, о чём именно договорились патриархи богомилства в Сент-Феликс-де-Карамане, но, судя по обострившейся вскоре политической обстановке и начавшейся чуть позже Альбигойской войне, интересы непосвященных эту публику точно не интересовали. Причём, позднее, когда французские крестоносцы принудили окситанскую аристократию порвать отношения с еретиками, католическая Церковь не отказывалась от попыток вступить с альбигойцами в диалог. Первоначально инквизиция старалась познакомиться с сектантским учением и доказать его пагубность. Вероятно, в случае такого ознакомления католики действительно имели шансы опровергнуть катарскую доктрину и лишить ересиархов симпатии населения. Поэтому главари тайного общества не стали никому ничего объяснять и прибегли к испытанному средству: в 1242 г. остановившееся в Авиньоне инквизиторы были попросту убиты [Маркаль, 2008, с. 42].

Заключение

Итак, в данной работе мы рассмотрели особенности функционирования эзотерических тайных обществ, которые мы условно разделили на эскапистские и хилястические. Как уже звучало выше, эскапистские тайные общества стремятся устраниваться от социальной эмпирии и жить согласно правилам своей доктрины, но за счёт непосвященного в неё общества. Хилясты же пытаются разрушить политические режимы и правовые нормы, в рамках которых живут непосвященные, и навязать всему миру собственные правила. Но доктрины обоих типов не признают Бога-Творца и поэтому отрицают общечеловеческое равенство. Иерархия в таких тайных обществах строится по принципу дозирования информации, согласно которому каждый адепт узнаёт лишь ту часть сектантского учения и занимает в нём такую иерархическую позицию, при которых он будет наиболее полезен организации. Причём, большинство адептов низших степеней посвящения против своей воли играют роль всего лишь инструментов в руках старших посвященных.

Ещё менее почтенная роль отведена для общества, находящегося вне пределов эзотерической общины: большинство людей воспринимаются адептами как строительный материал для нового мира или как бесплатный источник материальных ресурсов для посвященных. Именно поэтому для эзотерических обществ смертельно опасна открытая полемика с непосвященными, предполагающая обнародование сектантского учения во всей его полноте, что неизбежно лишит организацию ореола таинственности и вызовет раскол между её адептами различных степеней посвящения.

Список источников

1. Августин Аврелий. 2005. Исповедь. М., ДАРЪ, 544 с.
2. Гекертон Ч.У. 1995. Тайные общества всех веков и всех стран. Пер. с англ. М., Терра, 480 с. (Gekertom C. W. 1875. Secret societies of all centuries and all countries. London, R. Bentley and son. 351 p.).
3. Льюис К.С. 2018. Христианство. Пер. с англ. М., АСТ, 384 с.
4. Низам ал-Мульк. 1949. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М., Изд-во АН СССР, 379 с.
5. Петрушевский И.П. 2007. Ислам в Иране в VII–XV веках : курс лекций. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 428 с.

Список литературы

1. Ашрафян К.З. 1983. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века (проблема экономической и социальной истории). М., Наука, 231 с.
2. Маркаль Ж. 2008. Монсегюр и загадка катаров. Пер. с франц. СПб., Евразия, 364 с.
3. Осокин Н.А. 2000. История альбигойцев и их времени. М., АСТ, 896 с.
4. Поршнева Е.Б. 1991. Религиозные движения позднесредневекового Китая. М., Наука, 220 с.
5. Тихомиров Л.А. 2004. Религиозно-философские основы истории. М., Айрис-Пресс, 688 с.
6. Тойнби А. Дж. 2010. Постигание истории. Пер. с англ. М., Айрис-Пресс, 640 с. (Toynbee A. J. A study of history. Abridged edition by D.C. Somervell (1947–1961), 617 p.)

References

1. Ashrafyan K. Z. 1983. Srednevekovyj gorod Indii XIII – serediny XVIII veka (problema ekonomicheskoy i social'noj istorii). [The medieval city of India of the XIII – mid-XVIII centuries (the problem of economic and social history)] Moscow, Publ. Nauka, 231 p.
2. Markal' ZH. 2008. Monsegjur i zagadka katarov. (Markale J. 1986. Montsegur et l'enigme cathare. Pygmalion. Gerard Watelet, 322)
3. Osokin N. A. 2000. Istoriya al'bigojtsev i ikh vremeni. [History of Albigoyans and their time] Moscow, Publ. AST, 896 p.
4. Porshneva E. B. 1991. Religioznye dvizheniya pozdnesrednevekovogo Kitaya [Religious movements of late-medieval China]. Moscow, Publ. Nauka, 220 p.
5. Tihomirov L.A. 2004. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow, Publ. Ajris-Press, 688 p.
6. Tojnbi A. Dzh. 2010. Postizhenie istorii. Moscow, Publ. Ajris-Press, 640 (Toynbee A.J. A study of history. Abridged edition by D. C. Somervell (1947–1961); 617).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сулимов Станислав Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Арапов Александр Владиленович, доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanislav I. Sulimov, PhD, Associate Professor, Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Alexander V. Arapov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Voronezh State University, Voronezh, Russia